

«Символическое поведение» предков человека и первые памятники искусства *Homo sapiens sapiens*

Петр Куценков

Еще в конце прошлого века нефигуративная фаза эволюции изобразительного искусства, предшествовавшая фигуративному искусству верхнего палеолита, реконструировалась только гипотетически. Теперь существование этого «протоискусства» можно считать доказанным. Ясно обозначились параллели между эволюцией орудий от шимпанзе до современного человека, эволюцией антропоморфных «курьезных объектов» от «кукол» тех же шимпанзе до палеолитических венер *Homo sapiens sapiens* и от «орнаментов» среднего палеолита к полноценным орнаментам, созданным в верхнем палеолите уже человеком современного типа.

Ключевые слова: первобытное искусство, палеолит, орнаменты, палеолитические «венеры», эволюция.

Вплоть до конца XX века, казалось, специалисты были уверены в том, что непревзойденное по качеству искусство верхнего палеолита появилось в Европе из ниоткуда: около двадцати пяти тысяч лет назад люди вдруг начали создавать безупречно точные изображения животных. Никакой предьстории у этих изображений не было, зато были попытки ее обнаружить или объяснить причины ее отсутствия. Но в распоряжении исследователей не было реальных памятников (их приходилось придумывать), и поэтому такие попытки были, в целом, неудачными. В качестве примера можно привести гипотезу А.Д. Столяра, выведившую изображения, созданные *Homo sapiens sapiens*, из «натуральных макетов» (т.е. попросту чучел) животных, якобы изготавливавшихся некогда неандертальцами¹.

Но в самом конце прошлого века взгляды на происхождение человека претерпели по-настоящему революционные изменения. Во-первых, выяснилось, что человек происходит из Африки и неандерталец был его дальним родственником, но никак не прямым биологическим предком; во-вторых, время существования нашего биологического вида исчисляется не шестьюдесятью, а двумя сотнями тысяч лет. Наконец, стало ясно, что кроманьонцы долгое время эволюционировали в Африке, прежде чем около сорока тысяч лет назад явиться в «готовом виде» в ледниковой Европе. Американские исследователи Салли Мак-Бирти

и Элисон Брукс, проанализировав многочисленные африканские находки, связанные с *Homo sapiens sapiens*, пришли к выводу, что его «революционные» достижения очень долго вызревали в Африке, прежде чем наши предки покинули свою историческую родину и явились в Европу с готовой каменной индустрией, изобразительным искусством и, вероятно, с уже относительно развитой речью. Говоря словами Мак-Брирти и Брукс, верхнепалеолитический рывок – это «революция, которой не было»². Из этого следует, что вид *Homo sapiens sapiens* по темпам своей эволюции на протяжении среднего и верхнего палеолита³ мало чем отличался не только от проживавших в одно время с ним в Европе неандертальцев, но и от других, еще более архаичных видов рода *Homo*.

Все это дает возможность искать памятники гипотетического «протоискусства» (прежде всего на исторической родине всего человечества – в Африке), причем не только у *Homo sapiens sapiens*, но и в следах деятельности других представителей рода *Homo*, которые, судя по темпам эволюции и их самих и архаичных людей современного вида, были не намного примитивнее последнего. До сих пор не известен ни один объект, который был бы несомненным изображением, сделанным одним из многочисленных видов гоминид, когда-то обитавших в Африке, Европе и Азии. Тем не менее в материальных следах деятельности биологических предков и родственников человека можно обнаружить некоторые странности, которые, возможно, имеют отношение к будущему изобразительному искусству.

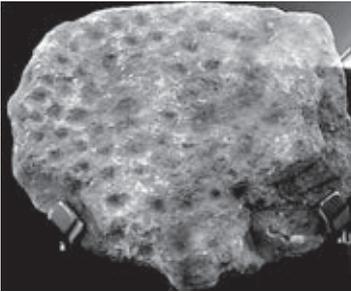
Число таких находок, сделанных на стоянках нижнего и среднего палеолита, невелико (особенно с учетом того обстоятельства, что речь идет о временном отрезке минимум в 1,5 миллиона лет). Российские исследователи Я.А. Шер, Л.Б. Вишняцкий и Н.С. Бледнова создали классификацию таких отклонений от «нормального поведения»⁴:

- «курьезные» объекты – имеется в виду прежде всего яшмовая галька из южноафриканской пещеры Макапансгат, которая, благодаря естественным повреждениям, напоминает грубое антропоморфное изображение. Эта находка связана еще с австралопитеками, т.е., по сути дела, с высшими обезьянами, которым, по выражению П.В. Волкова, «явно не требовалось даже минимума человеческого интеллекта» (см. ниже). Подобных странных предметов обнаружено довольно много, и особенно в среднепалеолитических слоях;
- красящие материалы, обнаруживаемые в многочисленных памятниках среднего палеолита;
- нательные украшения – бусы и подвески из раковин, кости, зубов животных и яичной скорлупы. Возможно, появляются уже в нижнем палеолите;
- «фигуративные изображения» – найденная в 1981 году ашельская «венера» со стоянки Берекат Рам в Израиле, «венера» из Тан-Тан в Марокко⁵, и мустьерская каменная личина из пещеры Ла Рош Котар

(Франция), где естественные углубления были дополнены костяной вставкой, что и придало куску кремня сходство с человеческой личиной;

- погребения – несомненны только среднепалеолитические погребения, но, возможно, какое-то движение в этом направлении наметилось еще в ашельскую эпоху.

Кое-что в этом списке отсутствует: к числу находок, не столь эффективных, как «скульптура» из Берекат Рам, относятся также «орнаменты» из Бильцингслебена в Германии, чей предполагаемый возраст оценивается в 300–400 тысяч лет (к ним мы вернемся чуть позже). К числу «отклонений» в поведении высших гоминид можно смело причислить и чашевидные углубления («cupules») в скальной поверхности.

Ил. 1. Камень с чашевидными углублениями из Ла Ферраси, Франция

Ил. 2. Чашевидные углубления. Дараки-Чаттан, Индия

Причем именно эти артефакты весьма многочисленны. Первоначально они были обнаружены в пещере Ла Ферраси во Франции. (Ил. 1.) Затем их нашли на реке Муррей в Австралии. В 1992 году чашевидные углубления были идентифицированы в пещере Аудиториум в Бхимбетка в Центральной Индии. Датированы они началом среднего или даже финальной фазой нижнего палеолита⁶. В 1996 году в Дараки-Чаттан, в 400 км юго-западнее Бхимбетка, была найдена скальная поверхность, на которой обнаружено, по меньшей мере, 500 (!) таких углублений. (Ил. 2.) Скорее всего, датируются они также финалом нижнего палеолита. Имеются сведения об аналогичных находках в Южной Африке. На авторство чашевидных углублений в Ла Ферраси могут претендовать и *Homo sapiens neanderthalensis*, и *Homo sapiens sapiens*, австралийских – только *Homo sapiens sapiens*, поскольку в Австралии иных представителей рода *Homo* не было. Индийские чашевидные углубления могли быть сделаны и палеоантропом, и архантропом.

В целом «странности» тяготеют к ашелю и к еще более позднему мустье, связанному с неандертальцами. Тут надо отметить два важных момента: во-первых, вне зависимости от того, насколько сильно были

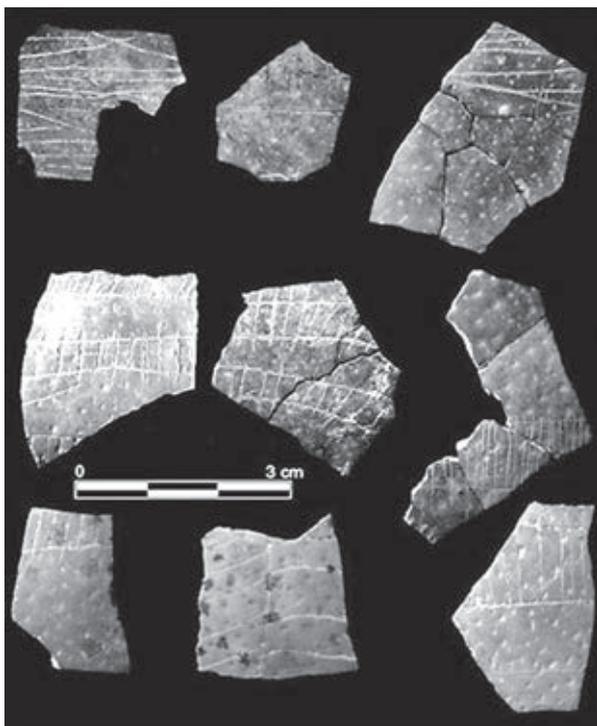
подправлены естественные формы «скульптур» из Берекат Рам и Тан-Тан (Ла Рош Котар сомнений не вызывает), они явно не случайно оказались на стоянках; во-вторых, вне зависимости от того, могли или не могли ашельцы и мустьерцы создавать настоящие фигуративные изображения, они, скорее всего, были способны распознавать антропоморфные образы, в том числе и в естественных формах, поскольку эта способность имеется у распознающих свое зеркальное отражение современных шимпанзе (соответственно, могла быть и у всех гоминид, начиная с австралопитеков). Как подметил Уильям МакГрю, шимпанзе – единственный биологический вид (кроме человека. – П.К.), которому доступно и распознавание образов, и обучение языку глухонемых⁷.

Что касается *Homo sapiens sapiens*, то до конца прошлого века в распоряжении исследователей не было полноценных, хорошо датированных следов гипотетически существовавшего «протоискусства». Однако теперь, после открытия в Южной Африке «орнаментов», датируемых временем 60–70 тысяч лет назад, такие следы найдены и надежно задокументированы. Бруски охры, покрытые примитивным ромбовидным орнаментом, были найдены в пещере Бломбос в ЮАР и датируются временем не менее 70 тысяч лет назад, т.е. примерно на 35 тысяч лет раньше первых надежно датированных «настоящих» изображений⁸. (Ил. 3.) Эта находка подтвердила давно уже высказанное предположение, что изображениям должен был предшествовать более или менее продолжительный нефигуративный этап. Наконец, временем около 60 тысяч лет назад датированы вполне «полноценные» орнаменты на скорлупе страусиных яиц из пещеры Дипклоф в Западной Капской провинции ЮАР⁹. (Ил. 4.) Самое старое фигуративное африканское изображение происходит из пещеры Аполло 11 в Намибии и датируется временем около 28 тысяч лет назад. (Ил. 5.) Следует отметить, что известная к настоящему времени европейская пещерная живопись даже несколько старше: в пещере Шове во Франции самое старое изображение было создано 32 тысячи лет назад. Таким образом, во-первых, документально зафиксированное время существования палеолитического искусства увеличивается больше, чем вдвое; во-вторых, самые ранние «орнаменты» архаичного *Homo sapiens sapiens* ничем не отличаются от «орнаментов» позднего *Homo erectus* из Бильцингслебена¹⁰.

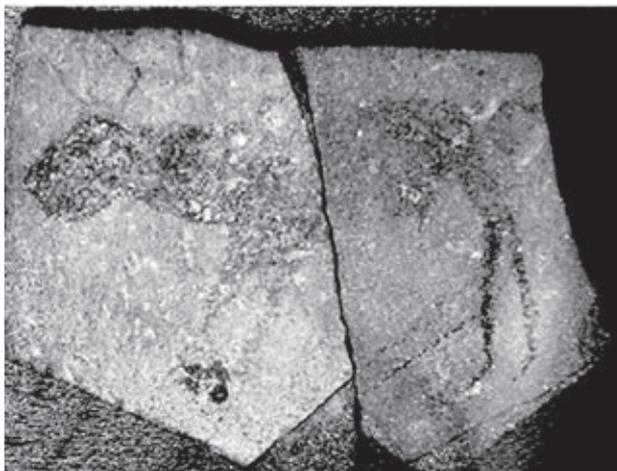
Как бы то ни было, все перечисленные «странности» биологических предков и более архаичных современников человека не укладываются в картину инстинктивной деятельности животных. Но является ли это основанием считать их проявлениями «знакового поведения»? Даже такие сторонники очень раннего возникновения этого самого поведения, как Шер, Вишняцкий и Бледнова признают, что «вещественные свидетельства знакового поведения для периодов нижнего и среднего палеолита, во-первых, крайне редки, а во-вторых, с трудом поддаются однозначной интерпретации. В подавляющем большинстве случаев речь

Ил. 3. «Орнамент» из пещеры Бломбос, ЮАР

Ил. 4. Фрагменты скорлупы страусиных яиц с выгравированными узорами из пещеры Дипклоф, ЮАР

*Ил. 5. Изображение из пещеры Аполло 11, Намибия.
Ок. 28000 лет назад*

просто идет о вещах, не имеющих видимого утилитарного значения, не связанных непосредственно с жизнеобеспечением»¹¹.

Как бы то ни было, «странности» нуждаются в объяснении – речь прежде всего идет об ответе на вопрос, прослеживается ли связь между деятельностью человека и его биологических предшественников. Отправной точкой наших рассуждений примем предположения, что все эти «странности», во-первых, действительно не имеют отношения к удовлетворению физиологических потребностей и, во-вторых, скорее всего, связаны со схожим (или даже одним и тем же) поведенческим комплексом, характерным для всех высших гоминид, включая и архаичного *Homo sapiens sapiens* – единственного представителя некогда весьма многочисленного семейства, дожившего до наших дней. Поэтому нам придется повнимательнее присмотреться к представителям этого семейства, и в частности – к наиболее распространенным результатам их деятельности, каменным орудиям.

Останки наиболее древней группы ископаемых высших приматов были обнаружены в пустыне Калахари еще в 1924 году. Их назвали «австралопитеками» («южными обезьянами»). Несколько позже похожих существ нашли в Восточной и Центральной Африке, а также в Передней, Южной и Юго-Восточной Азии. Многочисленные их виды (или подвиды) жили в плейстоцене (4 миллиона лет назад). Объем их мозга – около 500 см³, и по строению он был практически неотличим от мозга современных шимпанзе. Сейчас в распоряжении антропологов имеются фрагменты останков примерно 400 особей за период 2 миллиона лет. Главное, что заставляет предположить их связь с современным челове-

ком – то, что часть из них была двуногими всеядными приматами (собственно австралопитеки, в противоположность несколько более массивным растительноядным парантропам). Это позволяет допустить, что для нападения и для защиты могли применяться примитивные орудия: кости животных, палки и камни. Весьма вероятно, что некоторые виды умели их как-то обрабатывать.

Последующие и наиболее важные открытия в области происхождения человека были сделаны во второй половине прошлого века, причем многие из них – в Олдувайском ущелье (Кения). В 1960 году Л. Лики нашел там останки древнего человекообразного существа и назвал его *Homo habilis* («Человек умелый»), поскольку предположительно именно от него остались галечные орудия возрастом около 2 миллионов лет. При сходной с австралопитеками массе тела емкость головного мозга у *Homo habilis* была в среднем несколько больше: 645–660 см³. Тем не менее правомерность присутствия слова *Homo* в видовом наименовании хабилисов пока что остается дискуссионной: нет ясности, был ли он первым представителем собственно человеческого рода, или оставался всего лишь «южной обезьяной», несколько превосшедшей в развитии своих сородичей. Хабилисы были носителями олдувайской каменной индустрии.

Следующая находка была сделана в 1972 году в Кооби-Фора, на наиболее вероятной «малой родине» всего человечества близ озера Туркана (ранее Рудольф). Это был череп емкостью 777 см³, очень близкий по строению черепу *Homo habilis* и возрастом ок. 1,88 миллиона лет. К тому же типу гоминид относят находки из Эфиопии (долина р. Омо, 2–1,6 миллиона лет) и из Южной Африки (2–1,5 миллиона лет). Объем всех черепов этого типа больше, чем у австралопитеков: 540–870 см³, в среднем 700 см³ (у современного человека объем мозга варьируется в пределах от 1000 до 1800 см³, у *Homo erectus* – от 700 до 1250 см³). Заметно выражена асимметрия полушарий мозга – как и у современного *Homo sapiens sapiens*. Этот вид получил название *Homo rudolfensis*; он считается переходной ступенью от *Homo habilis* к *Homo erectus*. Последние появились в Африке около 1,8 миллиона лет назад и кое-где дожили до времени 300 тысяч лет назад, а возможно, и позже. Объем мозга у *Homo erectus* достигал 900–1200 см³ (больше, чем у *Homo habilis*, но меньше, чем у *Homo sapiens sapiens* и *Homo sapiens neanderthalensis*). Эректусы обитали в Африке (*Homo ergaster*), в Европе (гейдельбергский человек) и в Восточной Азии (синантропы и питекантропы). Этот вид был носителем ашельской культуры.

Параллельно с углублением знаний об ископаемых гоминидах развивалось и изучение высших приматов, доживших до наших дней – шимпанзе, горилл и орангутанов (раньше их также относили к гоминидам, но теперь выделяют в отдельное подсемейство – *Homininae*¹²). За последние 2–3 десятилетия относительно шимпанзе выяснились поистине

Ил. 6. «Куклы» и орудия шимпанзе. Слева – четыре деревяшки, использовавшиеся юными шимпанзе в качестве кукол, справа – орудия труда зонды (или «палки-ковырляки»).

удивительные вещи. Во-первых, они не только устраивают загонные охоты на небольших обезьян-колобусов и используют во время этой охоты «оружие»¹³; оказывается, очень примитивные, но все же каменные орудия шимпанзе эволюционировали на протяжении, по меньшей мере, 4 тысяч лет¹⁴. Молодые самки-шимпанзе играют в «куклы»: для этого они используют деревяшки определенной длины и толщины. Шимпанзе носят их с собой, на ночь укладывают в гнездо и никогда не используют «куклы» в качестве орудий. (Ил. 6.) Эти игры прекращаются после рождения первого ребенка (ранее такое поведение фиксировалось только у обезьян в неволе)¹⁵.

Эти факты полностью лишают смысла все рассуждения относительно скачка, совершенного *Homo habilis*. Какой может быть скачок, если современные шимпанзе, не имеющие отношения к собственно человеческой линии эволюции, оставляют материальные следы своей «культуры», в общем, очень похожие на те, что принадлежат давно вымершим видам? Напомним, что сама принадлежность *Homo habilis* к этой самой собственно человеческой линии эволюции остается, по крайней мере, недоказанной. Вероятней всего, что среди многочисленных видов и/или подвидов высших обезьян и гоминид от австралопитеков до хабилисов действительно были и предки *Homo sapiens sapiens*. Но точно определить, какие именно это виды (или вид), пока не представляется

возможным. Единственное, что действительно не вызывает сомнений, – так это то, что орудия в поведении *Homo habilis* могли играть роль не меньшую, чем у шимпанзе, а скорее всего, и большую. Однако ни это обстоятельство, ни вообще все то, что известно об этих созданиях, не позволяет делать такие, к примеру, радикальные и, главное, до странности детализированные выводы: «Австралопитеки, обделенные естественным вооружением, не унаследовали поэтому и прочных инстинктивных тормозов внутривидовой агрессии. К тому же, как мы знаем, развитие интеллекта, обеспеченное беспрецедентной пластичностью мозга, разрушило и те генетические программы, которые имелись. В сочетании со столь зыбкой инстинктивной базой смертоносное искусственное оружие поставило *Homo habilis* на грань истребления»¹⁶.

Что касается *Homo sapiens neanderthalensis* (или *Homo neanderthalensis*, палеоантропа), который до самого конца прошлого века большинством исследователей считался непосредственным предком *Homo sapiens sapiens* (неоантропа), то в самом конце XX в. выяснилось, что он нашим прямым предком не был¹⁷.

Таким образом, вырисовывается следующая картина: *Homo sapiens sapiens* стал заключительным звеном в цепочке многочисленных видов и/или подвидов высших гоминид, эволюция которых началась около 7 миллионов лет назад. Причем многие из этих видов существовали одновременно. Пока что все известные в настоящее время факты указывают на то, что Великая рифтовая долина в Восточной Африке была настоящей «фабрикой» по их производству. Судя по многочисленным прямым и косвенным данным, даже самые древние гоминиды могли изготавливать примитивные орудия труда. Однако подобные навыки не являются исключительным достоянием не только *Homo sapiens sapiens*, но даже и всего рода *Homo*, поскольку вполне доступны и высшим обезьянам (шимпанзе).

Тут мы неизбежно приходим к проблеме «человечности» нижне- и среднепалеолитических орудий. Она чрезвычайно сложна и пока что не имеет однозначного решения. Первоначально, с момента осознания глубочайшей древности этих артефактов, считалось само собой разумеющимся, что одно только присутствие орудий в том или ином археологическом слое является признаком разумности, т.е. «человечности» их создателей. Если есть орудия, значит, есть «труд», – следовательно, и сам человек.

Первым объяснение «орудийной деятельности» за пределами человеческого «труда» предложил Л.С. Выготский. Еще в 1930 году (!) он пришел к выводу, что оперирование орудиями у высших обезьян объясняется явлениями эйдетики и происходит не на уровне представлений, но только в сенсорном поле, т.е. является сугубо оптическим разрешением задачи: «...оптическая связь, устанавливаемая между двумя предметами, является истинной основой всех “разумных” действий шимпанзе. ...все

действия животных происходят под прямым воздействием и руководством оптического поля... решения наступают не слепо, а в зависимости от оптической структуры поля»¹⁸. Затем в 1935 году П.Я. Гальперин в кандидатской диссертации «Психологические различия орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение» показал принципиальные отличия ручных операций с орудиями у животных от орудийных операций у человека. Эта работа была прочно забыта и только недавно снова опубликована¹⁹.

Гораздо сложнее дело обстоит с тождеством труд – человек, краеугольным камнем исторического материализма. Первым в СССР в его правомерности открыто усомнился Б.Ф. Поршневу. Он считал, что в основе изготовления каменных орудий у высших гоминид лежал не осознанный «проект», но имитативный рефлекс: «Первым этажом палеолитической имитации, который мы можем наблюдать в более или менее изолированном или чистом виде на “олдувайской” стадии галечных орудий, на чопперах, на дошелльских изделиях, впрочем и вообще преобладающих в нижнем палеолите, является имитирование последовательного комплекса движений при изготовлении либо одного типа орудий, либо однотипного технического пучка – ядра-отщепы»²⁰. Таким образом, с точки зрения Поршнева, по крайней мере, до окончания среднего палеолита для изготовления орудий не требовалось подключения мышления и речи²¹.

Отношение к Б.Ф. Поршневу остается очень неоднозначным – одни склонны совершенно некритично воспринимать его труды и считают его всемирно-историческим гением, раз и навсегда решившим проблему происхождения человека; другие убеждены в том, что Поршневу был опасным сумасшедшим. Но как бы ни относиться к трудам Б.Ф. Поршнева, проблема-то остается: где та грань, что отделяет деятельность животных от человеческого труда?

С иной стороны к ней подошел авторитетный археолог-экспериментатор П.В. Волков. Изучая и экспериментально воспроизводя технологию изготовления олдувайских (2,6–1,8 миллиона лет назад) и ашельских (1,7–0,1 миллиона лет назад) каменных орудий (Ил. 7), он пришел к выводу, неплохо согласующемуся с мыслью Б.Ф. Поршнева: «Для изготовления всех этих колотых галек, “чопперов”, орудий из корявых отщепов и прочих мелких, характерных для “до-ашельского периода”, изделий явно не требовалось даже минимума человеческого интеллекта»²². Но в том, что касается оценки интеллектуальных возможностей носителей ашельской каменной индустрии, мнения Б.Ф. Поршнева и П.В. Волкова сильно разнятся. По Поршневу, «ничто в них (палеолитических орудиях. – П.К.) не может рассматриваться как доказательство в пользу соучастия языка, речевой деятельности»²³. Совершенно иначе оценивает значение ашельских орудий П.В. Волков: «Орудия ашельской культуры имеют высокие эстетиче-

Ил. 7. Типичные олдувайское (1) и ашельские (2–5) орудия

ские и технологические характеристики. Их производство требует развитого технологического мышления, большого количества знаний, опыта, возможностей этот опыт накапливать, фиксировать и передавать»²⁴. Излишне, вероятно, пояснять, что для накопления, фиксации и передачи какого бы то ни было опыта необходимы речь и язык. Итак, по мнению П.В. Волкова, «ашельская культура уникальна, возникает внезапно, без фиксируемых археологическими методами “корней”»²⁵. Таким образом, между доашельским периодом и ашелем связи нет; больше того – на протяжении, по меньшей мере, 300 тысяч лет олдувайская и ашельская каменные индустрии существовали параллельно.

Следует отметить, что новейшие исследования, пожалуй, подтверждают скорее точку зрения Волкова, чем Поршнева: активность мозга современного человека при экспериментальном изготовлении олдувайских и ашельских орудий оказалась разной. При воспроизведении олдувайской техники от экспериментатора требовались только новые навыки восприятия и моторики (т.е. все происходило на уровне сенсомоторных функций мозга и координации движений). Но изготовление ашельских орудий потребовали от испытуемых подключения высших когнитивных способностей, в том числе «сознательного контроля сложных последовательных действий (enhanced mechanisms for cognitive control)», что, по мнению авторов исследования, может означать связь между процессом изготовления орудий и развитием речи и языка²⁶. К тому же выяснилось, что пропорции ашельских бифасов (как и «орнаменты» *Homo erectus* из Бильцингслебена в Тюрингии) вписываются в золотое сечение²⁷. Таким образом, замечание П.В. Волкова относительно «высоких эстетических характеристик» ашельских орудий зиждется на весьма прочном основании.

Но не следует забывать, что изготовление ашельских бифасов требует применения творческих способностей именно от современного человека, который никогда не наблюдал процесс их изготовления воочию. А вот как дело обстояло в сообществах архантропов, никто не знает и, дерзнем утверждать, никогда и не узнает, поскольку исчезли они очень

давно. Даже экспериментальное подтверждение того, что современному человеку для изготовления ашельского орудия требуется подключение «сознательного контроля сложных последовательных действий», не может в данном случае быть аргументом: носители ашельской и более поздней мустьерской каменной индустрии были представителями других биологических видов и морфологически отличались от современного человека.

Рассуждения и Поршнева и Волкова не лишены изъянов – так, Б.Ф. Поршневу игнорировал очевидную сложность среднепалеолитических орудий (явно несводимую к одной только имитации), а П.В. Волков столь же явно избегает ответа на вопрос: если «они» были такими умными, то чем занимались больше миллиона (!) лет? Заметим, что орудийная деятельность вовсе не обязательно нуждалась в «творческом воображении», «сознательном использовании камня» или языке для обучения молодежи. Даже в современных традиционных обществах обучение ремеслу происходит не столько на речевом уровне, сколько в пределах зрительного поля: ученик наблюдает за действиями мастера и усваивает прежде всего комплексы движений, сопровождающих изготовление того или иного предмета. Да и в информационном обществе дело обстоит примерно так же. Приведем только один пример: в Интернете на сайтах, посвященных рыболовным приманкам, всегда размещаются фотографии или видео, наглядно демонстрирующие весь процесс их изготовления. На словах объяснить это, действительно, очень трудно – такое объяснение требует от инструктора недюжинного литературного таланта. Таким образом, усвоение моторных шаблонов в пределах зрительного поля очень глубоко укоренено в человеческой природе, настолько глубоко, что психически нормальный современный человек, обучаясь простым трудовым навыкам, не обращается при этом к абстрактному мышлению.

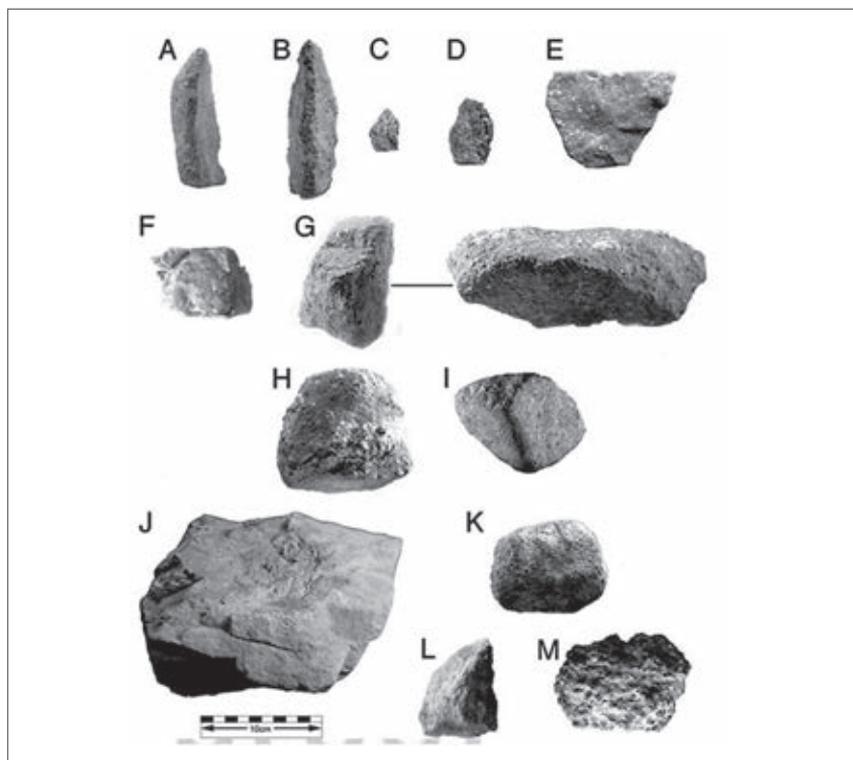
Однако основной вывод П.В. Волкова – для нас важнейший – перекликается с выводами Б.Ф. Поршнева. Опираясь на техническое совершенство ашельских и отчетливую грубость олдувайских орудий, он делает следующее симптоматичное замечание: «Антропологи склонны считать существующий около миллиона лет, как они говорят, “подвид” *Homo sapiens (archaic)*, *Homo sapiens (neanderthalensis)*, *Homo sapiens* и т.п. уже собственно людьми. Но для нас более подходящим представляется термин архантроп (от греческих “древний” и “человек”). К какому можно отнести всех людей донеолитической, если угодно – “допотопной” истории, т. е. тех, жизнь которых мы знаем преимущественно не по письменным источникам, а на основе анализа оставшихся после них артефактов»²⁸.

Таким образом, с точки зрения П.В. Волкова, и носители ашельской каменной индустрии, и неандертальцы, и «настоящие» люди верхнего палеолита образуют группу видов, «культуры» которых отличались друг от друга не столько качественными, сколько количественными па-

раметрами. Многие из этих видов сосуществовали в одном времени и пространстве на протяжении многих сотен тысяч, если не миллионов, лет (к концу верхнего палеолита остается только один вид: *Homo sapiens sapiens*). Качественное же отличие этой весьма обширной группы от древних австралопитеков (т. е. «южных обезьян») состоит в умении изготавливать орудия на отщепках, отделенных от специально приготовленного нуклеуса. Для этого, по мнению П.В. Волкова, требовался уже человеческий интеллект, мало чем отличимый от интеллекта современного человека.

Относительно пропасти между доашельской и ашельской каменными индустриями заметим, что она, возможно, не так уж и велика: ведь и вид *Homo sapiens sapiens* еще двадцать лет назад казался внезапно явившимся из ниоткуда около 40 тысяч лет назад²⁹. Но, как стало ясно теперь, он прошел очень долгий эволюционный путь в Африке, прежде чем «внезапно» появиться в ледниковой Европе. Да и весьма продолжительное параллельное существование ашеля и «доашеля» очень напоминает сосуществование неандертальцев и кроманьонцев на протяжении 10–20 тысяч лет. И для нас важно, что то немногое, что все же отличало нашего средне- и верхнепалеолитического предка от родственных ему видов, – это именно способность к созданию полноценных фигуративных изображений.

Разумеется, от способности изготавливать орудия и распознавать образы еще очень далеко до возможности изобразить что-либо – пока что все попытки склонить шимпанзе к изображению чего-либо фигуративного окончились полным провалом. Даже «орнаменты» вроде тех, что оставили после себя эректусы, шимпанзе недоступны. Но тут уместно вспомнить зафиксированную у молодых самок-шимпанзе игру в «куклы»³⁰. Если учесть, что ашельцы и мустьерцы в эволюционном отношении оторвались от шимпанзе на огромную дистанцию, то можно допустить, что способность распознавать образы соединилась у них с «игрой в куклы», для чего антропоморфные объекты вроде «венер» из Берекат-Рам и Тан-Тан явно подходят гораздо больше, чем бесформенные деревяшки. Таким образом, со всеми возможными оговорками, можно предположить, что шимпанзе находятся в самом начале пути длиной минимум в 2 миллиона лет – того пути, что в конце концов привел к появлению настоящих изображений. Примерно также дело обстоит и с «трудом»: каменные орудия шимпанзе можно отличить от необработанных камней, только документально зафиксировав их употребление в качестве орудий (Ил. 8); именно по этой причине нам, вероятно, никогда не удастся получить прямые доказательства орудийной деятельности австралопитеков – их гипотетически существовавшие орудия наверняка были такими же, как у шимпанзе. Орудия хабилисов уже подвергались элементарной обработке, но такой, что ее признаки может заметить только наметанный глаз археолога; ашельские орудия уже весьма совершенны.

Ил. 8. Каменные «орудия» шимпанзе

Таким образом, благодаря деятельности шимпанзе, можно выстроить пусть неполный, несовершенный, но все же типологический ряд. В начале его будут необработанные камни, используемые современными обезьянами, в середине разместятся грубо оббитые олдувайские булыжники, в конце – ашельские орудия, которые, как считает П.В. Волков, принципиально уже ничем не отличаются от изделий верхнего палеолита.

Подобное можно наблюдать и в случае с нижне- и среднепалеолитическими курьезными объектами: от бесформенных деревяшек, которыми шимпанзе играют в «куклы», эволюционная цепочка протягивается к «антропоморфной», но не обработанной гальке из пещеры Макапангат, явно не случайно принесенной на стоянку каким-то *Homo habilis* (Ил. 9); от нее уже не так далеко до «венер» из Берекат Рам и Тан-Тан, чьи естественные антропоморфные очертания, возможно, уже были «подправлены» обнаружившими их существами; от них совсем близко до мустьерской личины из пещеры Ла Рош Котар, где естественные углубления уже

несомненно были сознательно дополнены костяной вставкой. (Ил. 10.) Завершается этот эволюционный ряд древнейшими европейскими «венерами» из Холле-Фельс, Дольне-Вестониц и Виллендорфа, сделанными уже людьми современного типа, незадолго перед тем пришедшими в Европу.

Таким образом, тут можно говорить о медленном нарастании способности не только распознавать, но и «подправлять» естественные формы. Правда, нет никакой мыслительной возможности сделать из этих наблюдений тот же вывод, к какому пришел П.В. Волков после экспериментального изготовления палеолитических орудий: может быть, между ашельскими и, к примеру, ориньякскими орудиями, действительно принципиальной разницы нет. Но дистанция между «венерами» из Берекат Рам и Тан-Тан (Ил. 11), и «венерой» из Виллендорфа (Ил. 12), все же слишком велика.

Примерно ту же картину можно наблюдать и в случае с «орнаментами». В начале этой эволюционной цепочки будут помещаться чашевидные углубления, фиксируемые уже в среднем палеолите (возможно, даже в конце нижнего). В среднем палеолите

Ил. 9. Галька из пещеры Макапансгат в Южной Африке

Ил. 10. «Личина» из мустьерского слоя пещеры Ла Рош Котар, Франция

Ил. 11. Слева – «венера» из Берекат Рам, Израиль; справа – «венера» из Тан-Тан, Марокко

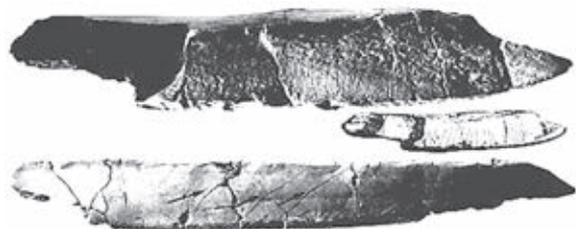
Ил. 12. «Венера» из Виллендорфа, Австрия

те появляются и первые «орнаменты» (из Бильцингслебена в Германии, примерно 300–400 тысяч лет назад. (Ил. 13.) В смысле сложности они находятся где-то посередине между бессистемно разбросанными по скальной поверхности чашевидными углублениями и полноценными орнаментами верхнего палеолита, вроде тех, что были найдены в Мезине на Украине. (Ил. 14.)

«Орнаменты» – еще не изобразительное искусство, поскольку изображение как таковое отсутствует. В смысле сложности они находятся где-то посередине между бессистемно разбросанными по скальной поверхности чашевидными углублениями и полноценными изображениями. Однако тут важно сделать существенную оговорку: «орнаменты» палеолита пронизаны ритмом, они образуют композиции, которые практически полностью отсутствуют в палеолитических изображениях. Это, между прочим, представляет собой одну

из пока что неразрешимых загадок верхнепалеолитического искусства – почему древний человек, вполне уверенно создававший орнаментальные композиции, вдруг утрачивал этот навык, переходя к натуралистическим фигуративным изображениям? Но надо заметить, что и в палеолитических орнаментах, как и в фигуративных изображениях, отсутствует ясно обозначенный центр: каждый последующий элемент механически добавлялся к предшествующему, пока «орнамент» не заполнял всю поверхность предмета, – т.е. происходило совершенно то же самое, что и в фигуративных «композициях», где изображения животных размещались на любом свободном пространстве неподалеку от предшествующих рисунков, нередко перекрывая предшествующие. В результате такого монотонного прибавления одних и тех же элементов друг к другу поверхность предмета, на который они наносились, становилась упорядоченной: зрительно один меандр, размноженный по всей поверхности предмета, производит впечатление целенаправленного компонования, в то время как мыслительная операция, стоявшая за этим действием, была прямо противоположна осознанному целенаправлению. Это была скорее персеверация, монотонное повторение одного и того же действия.

Остается пока непонятным, в какой момент эволюции образного мышления пересеклись наконец способности к распознаванию образов и к ритмическим действиям. Создается впечатление, что произошло это уже с окончанием верхнего палеолита – первые фигуративные «компо-

Ил. 13. «Орнамент» из Бильцингслебена, Тюрингия, Германия

Ил. 14. Образцы верхнепалеолитических орнаментов и «венера» со стоянки Мезино, Новгород-Северский, Украина. Ок. 18000 лет назад

зиции», пронизанные четким ритмом, отмечены только в искусстве мезолитического типа (не ранее 10 тысяч лет назад).

Таков перечень артефактов нижнего и среднего палеолита (раннего и среднего каменного века по периодизации, принятой для Африки). Трудность их интерпретации состоит в том, что непосредственные наблюдения над поведением не только высших гоминид, но и архаичного *Homo sapiens sapiens* уже невозможны. Соответственно, следует искать возможности реконструкции особенностей поведения давно исчезнув-

ших существ. Само собой разумеется, что речь ни в коем случае не может идти о реконструкции всего сложнейшего поведенческого комплекса давно вымерших видов: мы можем только попытаться восстановить некоторый, очень незначительный сегмент этого комплекса, причем никогда не сможем быть полностью уверенными в том, что такая реконструкция соответствует истине. Тем не менее не вызывает сомнений, что основой такой интерпретации должны быть именно ясно обозначившиеся параллели между эволюцией орудий от шимпанзе до современного человека, эволюцией антропоморфных «курьезных объектов» от «кукол» тех же шимпанзе до палеолитических «венер» *Homo sapiens sapiens* и от «чашевидных углублений» до «орнаментов» среднего палеолита, а от них – к полноценным орнаментам, созданным в верхнем палеолите уже человеком современного типа. Однако практически без сомнений можно констатировать, что существование того «протоискусства», которое еще 20 лет назад реконструировалось только гипотетически, теперь можно считать доказанным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.
- 2 McBrearty S., Brooks A.S. The revolution that wasn't: A new interpretation of the origin of modern human behaviour [Journal] // *Journal of Human Evolution*. 2000. Vol. 39. P. 453–563.
- 3 Для Африки – средний каменный век.
- 4 Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир. 2004. С. 66–69.
- 5 Далеко не все исследователи согласны с тем, что «венеры» из Берекат Рам и Тан-Тан подвергались какой-либо сознательной доработке.
- 6 Bednarik G. R. Ancient images, ancient thought: the archaeology of ideology / Goldsmith S., Garvie S., Selin D. and Smith J. (eds). *The Palaeolithic art of Asia. Proceedings of the 23rd Annual Chacmool Conference, University of Calgary*. 1992. P. 383–390; Bednarik G.R. Art origins // *Anthropos*. № 89. 1994. P. 168–180; Bednarik G. R. The Pleistocene art of Asia. *Journal of World Prehistory*. № 8 (4). 1994. P. 351–375.
- 7 McGrew W. *The Cultured Chimpanzee: Reflections on Cultural Primatology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 71, 72.
- 8 Henshilwood C. S., d'Errico Francesco, Yates Royden, Jacobs Zenobia, Tribolo Chantal, Duller Geoff A. T., Mercier Norbert, Sealy Judith C., Valladas Helene, Watts Ian, Wintle Ann G. Emergence of Modern Human Behavior: Middle Stone Age Engravings from South Africa // *Science*. Vol. 295. № 5558. P. 1278–1280.
- 9 Texier P-J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J-Ph., Poggenpoel C., Miller Chr., Tribolo Ch., Cartwright C., Coudenneau Au., Richard Klein, Steele T., Verna Chr. A Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000

- years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa // PNAS. Published online before print. March. 1. 2010. Doi: 10.1073 / pnas. 0913047107. URL: <http://www.pnas.org/content/early/2010/02/17/0913047107>
- 10 Homo erectus (гейдельбергский человек) считается сейчас общим предком и неандертальца, и современного человека.
 - 11 Шер Я.Р., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.
 - 12 «Генетическая близость человека и нашего ближайшего родственника шимпанзе дает основание считать их подкладами одного рода: Homo Pan и Homo Homo. В Эфиопии, Кении и Чаде обнаружены миоценовые гоминиды древностью 7–5 млн лет, что указывает на отрезок 9–7 млн лет назад как на время дивергенции. Считается, что человек и шимпанзе – два триба одного подсемейства, что ставит вопрос о правомочности отнесения представителей человеческой линии к семейству гоминид, однако этот вопрос далеко не ясен. Генеалогически человек не противостоит своим ближайшим родственникам — шимпанзе и горилле, но родство его с шимпанзе больше, чем каждого из них – с гориллой, и ясно, что человек – эволюционно поздняя ветвь на родословном древе приматов, которая резко отделилась и стала развиваться по абсолютно особой траектории» (Черниговская Т.В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2006. Т. 92. № 1. С. 84).
 - 13 Pruett J. D., Bertolani P. Savanna Chimpanzees, Pan troglodytes verus, Hunt with Tools // Current Biology. Vol. 17. Issue 5. P. 412–417. 6 March 2007.
 - 14 Mercader J., Barton H., Gillespie J., Harris J., Kuhn S., Tyler R., Boesch Chr. 4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology // PNAS February 27. 2007. Vol. 104. №. 9. P. 3043–3048.
 - 15 Kahlenberg Sonya M., Wrangham Richard W. Sex differences in chimpanzees' use of sticks as play objects resemble those of children // Current Biology. 2010. Vol. 20. P. R1067–R1068.
 - 16 Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: URSS, 2007. С. 48.
 - 17 В 1997 году генетику Сванте Пэбо удалось прочесть участок мтДНК, выделенной из останков неандертальца, найденного в 1856 году в Фельдгоферовской пещере близ Дюссельдорфа в Германии. В 2000 году был исследован второй образец неандертальской митохондриальной (мтДНК), выделенной из останков скелета ребенка, найденного в пещере Мезмайская на Северном Кавказе (возраст 29 000 лет). В обоих случаях мтДНК неандертальцев имеют общие отличия от мтДНК людей и выходят за границы внутривидового разнообразия Homo sapiens sapiens. Это говорит о том, что неандертальцы представляют генетически отдельную, хотя и близкородственную человеку ветвь. Время существования последнего общего предка человека и неандертальца оценивается по числу различий между мтДНК как 500 000 лет. По палеонтологическим данным, предки неандертальцев появились в Европе около 300 тыс. лет назад. Разделение генетических линий, ведущих к человеку и неандертальцу, должно было произойти раньше этой даты, что и показывают датировки по мтДНК. Подробнее см: Янковский Н.К., Бо-

- ринская С.А. Наша история, записанная в ДНК // *Природа*. 2001. № 6. С. 10–17. См. также: Krings M., Tschentscher F., Capelli C., Geisert H., Schmitz R. W., Krainitzki H., Pääbo S. Mitochondrial DNA Sequences from the Neanderthals // *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 B.P. International Workshop*. 19–21 March. 1999. Metmann. URL: http://www.neanderthal.de/e_thal/pg_40.htm); Ovchinnicov I. V., Götherström A., Romanova G. P., Kharitonov V. M., Lidén K., Goodwin W. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the northern Caucasus // *Nature* 404, 490–493 (2000).
- 18 Выготский Л.С. Эйдетика / Психология памяти. М.: ЧеРо, 2002. С. 193. (Первая публикация: Выготский Л.С., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М. Основные теории современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.-Л.: Госуд. изд-во, 1930).
- 19 Гальперин П.Я. Психологические различия орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение / Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК». С. 37–93.
- 20 Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 325.
- 21 Мысль Поршнева относительно исключительно важной роли подражания в антропогенезе получила подтверждение и была поставлена на прочную естественнонаучную основу в самом конце XX в. благодаря открытию зеркальных нейронов (см.: Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону: ООО «Антей», 2009; Черниговская Т.В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // *Физиологический журнал им. И.М.Сеченова*. 2006. Т. 92. № 1. С. 84–99).
- 22 Волков П.В. Эксперимент в археологии. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2010. С. 297. Ср. с характеристикой того же периода А.П. Назаретяна.
- 23 Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 329, 330.
- 24 Волков П.В. Указ. соч. С. 297.
- 25 Волков П.В. От Адама до Ноя: археология для православных. СПб. : ООО «Типография «НП-ПРИНТ», 2010. С. 234.
- 26 Faisal Aldo, Stout Dietrich, Apel Jan, Bradley Bruce. The Manipulative complexity of Lower Paleolithic Stone Toolmaking. PLoS ONE, November 2010, Volume 5, Issue 11, e13718. URL: www.plosone.org.
Следует учесть, что исследовались не наши отдаленные предки, с младенчества наблюдавшие действия с камнем и, соответственно, имевшие возможность их имитировать, – олдувайские и ашельские орудия делал современный человек, только воспроизводивший древнюю технику.
- 27 Feliks J. Phi in the Acheulian: Lower Palaeolithic intuition and the natural origins of analogy // *Pleistocene palaeoart of the world. Proceedings of the XV UISPP World Congress (Lisbon, 4–9 September 2006) / ed. D Bednarik R. G. and Hodgson. Oxford: [s.n.], 2008. – BAR International Series 1804. P. 11–31.*
- 28 Волков П.В. Эксперимент в археологии. Новосибирск, 2010. С. 297, 298; Волков П.В. От Адама до Ноя. СПб., 2010. С. 234.

- 29 Сведения о раннем присутствии *Homo sapiens sapiens* в Южной Африке появились еще в 70-х гг. прошлого века, но на них долго не обращали внимания. См., например: Beaumont P., Villiers H. de, Vogel J. C. Modern Man in Sub-Saharan Africa Prior to 49,000 Years B. P.: A Review and Evaluation with Particular Reference to Cave [Journal] // South African Journal of Science. – November 1978. Vol. 74. P. 409–419.
- 30 Kahlenberg Sonya M., Wrangham Richard W. Sex differences in chimpanzees' use of sticks as play objects resemble those of children [Journal] // Current Biology. – 2010. Vol. 20. P. R1067–R1068.

- 31 Персеверация (от лат. *perseveratio* – упорство) – навязчивое повторение одних и тех же движений, образов, мыслей. Различают моторные, сенсорные и интеллектуальные персеверации.

Моторные П. возникают при поражении передних отделов больших полушарий головного мозга и проявляются либо в многократном повторении отдельных элементов движения (напр., при написании букв или при рисовании); такая форма П. возникает при поражении премоторных отделов коры мозга и нижележащих подкорковых структур и носит название «элементарной» моторной П. (по классификации А. Р. Лурия, 1962); либо в многократном повторении целых программ движений (напр., в повторении движений, необходимых для рисования, вместо движений письма); такая форма П. наблюдается при поражении префронтальных отделов коры головного мозга и называется системной моторной П. Особую форму моторных П. составляют моторные речевые П., которые возникают как одно из проявлений эфферентной моторной афазии в виде многократных повторений одного и того же слога, слова в устной речи и при письме. Данная форма моторных П. возникает при поражении нижних отделов премоторной области коры левого полушария (у правшей).

Сенсорные П. возникают при поражении корковых отделов анализаторов и проявляются в виде навязчивого повторения звуковых, тактильных или зрительных образов, увеличения длительности последствия соответствующих раздражителей.

Интеллектуальные П. возникают при поражении коры лобных долей мозга (чаще левого полушария) и проявляются в виде повторения неадекватных стереотипных интеллектуальных операций. Интеллектуальные П., как правило, появляются при выполнении серийных интеллектуальных действий, например, при арифметическом счете (от 100 отнимать по 7, пока ничего не останется, и т. п.), при выполнении серии задач на аналогии, классификацию объектов и т. д., и отражают нарушения контроля за интеллектуальной деятельностью, ее программирования, свойственные «лобным» больным. Интеллектуальные П. характерны и для умственно отсталых детей как проявление инертности нервных процессов в интеллектуальной сфере (Большой психологический словарь. Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. М.: Олма-пресс, 2004).